УДК: 316.34 DOI: 10.22394/2071–2367–2019–14–2–144–155

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПАТТЕРНЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Белоконев С.Ю., Титов В.В.[1]

Цель исследования – системное изучение ключевых паттернов взаимовлияния национально-государственной и религиозной идентичности в современном мире. *Методология исследования* – кросс-темпоральный анализ разнообразных национальных (в рамках осмысления опыта различных политических систем) политических практик взаимного влияния религиозной и национально-государственной идентичности. Авторы отмечают, что значимость данной темы обусловлена как политико-теоретическими аспектами, так и религиозно-политической динамикой постсоветского пространства (попытка создания Константинополем так называемой украинской поместной церкви). Особое внимание уделяется также процессу «религиозного ренессанса» – всплеску конфессиональных идентичностей в современном мире. *В результате* авторы выделяют четыре основные модели взаимодействия религиозной и национально-государственной идентичности в современных условиях: «драйверную», конфликтно-конституирующую, «симфоническую» и конфликтно-фрагментарную. Первая характерна для моноэтнических и моноконфессиональных обществ, где религия служит драйвером становления национально-государственной идентичности. Конфликтно-конституирующая модель присуща полиэтническим социумам, в которых религия выполняет (частично) функцию консолидирующего механизма. «Симфоническая» модель характерна для случаев, когда «государство» и «церковь» пытаются найти баланс при определяющей роли национально-государственной идентичности. Конфликтно-фрагментарная модель являет собой пример ситуации, когда кризис национально-государственной идентичности усугубляется религиозными конфликтами.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, религиозная идентичность, «религиозный ренессанс», драйверная модель, конфликтно-конституирующая модель, модель «симфонии», конфликтно-фрагментарная модель.

Белоконев Сергей Юрьевич – кандидат политических наук, руководитель департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, адрес: 125993, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., д.49 , e-mail: SYUBelokonev@fa.ru

Титов Виктор Валериевич – кандидат политических наук, ст. научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, адрес: 125993, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49 , e-mail: VVTitov@fa.ru

NATIONAL-STATE AND RELIGIOUS IDENTITY: PATTERNS OF INTERACTION IN THE MODERN WORLD

BELOKONEV S. Y. – Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: SYUBelokonev@fa.ru

TITOV V. V. – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow), e-mail: VVTitov@fa.ru

The purpose of the study is a systematic study of key patterns of mutual influence of national-state and religious identity in the modern world. The research methodology is a cross-temporal analysis of various national (within the framework of understanding the experience of various political systems) political practices of the mutual influence of religious and national-state identity. The authors note that the importance of this topic is due to both political and theoretical aspects and the religious and political dynamics of the post-Soviet space (an attempt by Constantinople to create a so-called Ukrainian local church). Particular attention is also paid to the process of "religious renaissance" - a surge of confessional identities in the modern world. As a result, the authors identify four main patterns of interaction between religious and national-state identity in modern conditions: "driver", conflict-constitutive, "symphonic" and conflict-fragmentary. The first is characteristic of mono-ethnic and mono-confessional societies, where religion serves as the driver of the formation of national-state identity. The conflict-constituting model is inherent in multi-ethnic societies, in which religion performs (partially) the function of a consolidating mechanism. The "symphonic" model is characteristic for cases when the "state" and "church" try to find a balance with the determining role of national-state identity. The conflict-fragmented model is an example of a situation where the crisis of national-state identity is exacerbated by religious conflicts.

Keywords: national-state identity, religious identity, "religious renaissance", driver model, conflict-constitutive model, "symphony" model, conflict-fragmentary model.

Проблематика национально-государственной идентичности, её трансформаций в начале третьего тысячелетия является важным вектором научного поиска современной политической науки. В поле зрения ученых оказываются разные аспекты национально-государственной самоидентификации: институциональные,

символические, исторические и культурно-психологические. Анализируя метаморфозы национально-государственной идентичности в конце XX – начале XXI вв., следует особое внимание уделить религиозному фактору.

Значимость данного направления научно-политического поиска связана с несколькими моментами.

Во-первых, весьма распространенным в политологическом сообществе является мнение, что религиозное сознание прямо или опосредованно (если, например, речь идет об обществах, в которых делается акцент на широко понимаемом «плюрализме» в ущерб традиционным ценностям) влияет на процессы становления и трансформации национально-государственной идентичности. Религиозное сознание, продуцируемые им установки, ценности и фреймы во многом детерминируют рефлексию макрополитического образа «мы», осуществляемую членами конкретной социальной общности.

Важность обращения к религиозной и национальной (часто понимаемой в этнокультурном смысле) идентичностям для переходных, кризисных и посткризисных обществ достаточно глубоко осмыслена современной политической наукой. Как указывает М.П. Мчедлов, «в тяжелые переломные периоды народных бедствий, краха привычных социально-политических идентификаций, долгое время насаждаемых всеми каналами официальной пропаганды, воцарением идеологической неразберихи и отсутствием мобилизационной общегосударственной идеи (например, распад Советской державы в корне обесценил значение соответствующей идентичности – принадлежности к роду «нового советского человека») – резко возрастает роль традиционных – национальных и религиозных – идентичностей. Как показал недавний печальный опыт СССР, Югославии, а еще ранее Османской империи, Австро-Венгрии, Индии и др., люди расходятся именно по национальным и религиозным «квартирам», даже если они не особенно глубоко верующие или вовсе неверующие, воскрешаются исконные историко-культурные традиции…»[1].

Во-вторых, общепризнано, что «миллениум» – рубеж тысячелетий – можно считать временем де факто глобального (по своему распространению) и многовекторного, противоречивого (по своей направленности и ценностно-символическому содержанию) «религиозного ренессанса»[2]. При этом данный процесс сопровождается интенсивной «политизацией религии», способствует дальнейшему «конфликту идентичностей», который принимает не только цивилизационное измерение, но и формирует новые линии размежевания внутри до недавнего времени (1980-х–1990-х гг.) относительно устойчивых и этнически

[1]Мчедлов М.П. Общие вопросы религиозной идентичности. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshie.pdf (Дата обращения: 18.12. 2018).

[2]Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М. :«Ваш формат», 2017. – С.154–162.

однородных «национальных государств». В этих условиях рельефно вырисовывается сложная конфигурация, когда «государство» (и продуцируемая им через «политику идентичности» гражданско-политическая модель самоидентификации), «нация» (с ее национальной идентичностью в социокультурном измерении) и «религия» (с её наднациональной идентичностью) оказываются в ситуации конфликта.

В-третьих, особую значимость указанные процессы приобретают на постсоветском пространстве, в том числе в контексте будущего Русской православной церкви в ситуации наметившегося углубления религиозного раскола на Украине. В условиях открытого вмешательства Фанара в дела РПЦ (идея предоставления томоса и создания «объединенной» украинской церкви) на территории Украины, которая является канонической для Московского патриархата, все более активно вырисовывается перспектива «горячих» религиозных конфликтов в православии.

Говоря об изучении влияния религиозного фактора на национально-государственную идентичность в конце XX–начале XXI вв., следует выделить два теоретико-методологических уровня исследования данной проблемы.

Первый уровень связан с комплексным изучением глобальных тенденций в данной области, поиском *фундаментальных оснований воздействия религиозных факторов на место нации и государства в современном мире*. По нашему мнению, к наиболее значимым фундаментальным трудам, раскрывающим данную проблематику применительно к политическим реалиям современности, можно отнести исследования С. Хантингтона, М.М. Мчедловой, Л.С. Перепелкина, В.Г.Стэльмаха и др.[1].

Второй уровень – политологический *анализ национальных кейсов взаимовлияния* (относительно комплементарного или конфликтогенного сосуществования) установок *религиозной и национально-государственной идентичности*. В данном контексте серьезный интерес представляют труды М. Хан, Н.М. Ракитянского, Т.В. Евгеньевой и др[2].

---

[1]Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004; *Мчедлова М. М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // *Полис. Политические исследования*. –2016. – № 1. – С. 157–174; Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Человек верующий: религия и идентичность //Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С.373–395.

[2]Хан М. Национальная идентичность и религиозная идентичность в Пакистане. — URL:https://www.religiousfreedominstitute.org/cornerstone/2017/3/15/national—identity—versus—religious—identity—in—pakistan (Дата обращения: 16.12.2018); *Ракитянский Н. М., Зинченко М. С.* Политико—психологическое измерение русского исламизма // *Международные отношения*. — 2015. — № 3. — С. 348—357; *Евгеньева Т. В., Титов В. В.* Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // *Информационные войны.* — 2014. — № 4. — С. 22—27.

Рассматривая то место, которое занимает религиозный фактор в трансформации современных национально-государственных идентичностей, следует прежде всего подвергнуть анализу внутреннее содержание данного фактора, его возрастающую роль в глобальной политической динамике. Характеризуя макрополитический ландшафт современности, сложившийся в начале третьего тысячелетия, М.М. Мчедлова отмечает: «Новое «великое переселение» народов и религий, признание права на различия и религиозную самобытность, входящее в противоречие с политическим принципом светскости и традиционными моделями государственно-церковных отношений, послужили отправной точкой для того, чтобы на социально-политическую авансцену выдвинулась проблема проявления религиозных традиций в политических координатах»[1].

Поэтому, по мнению М.М. Мчедловой, «не случайно, все чаще речь идет о «кризисе светскости», «истощении светских идеологий», «реванше» религий, «религиозном возрождении». В политической плоскости обнажилась и высветилась неэффективность традиционных стратегий, инициировавшая поиски новых форм политического упорядочивания для культурного, религиозного и цивилизационного разнообразия»[2].

При этом следует учитывать, что религиозная идентичность представляет собой крайне сложный феномен, один из наиболее фундаментальных конструктов в иерархии идентичностей, в рамках которого происходит не только закрепление ценностно-смысловых компонентов, ритуально-символических и поведенческих практик повседневности. Религиозная самоидентификация олицетворяет фактическое слияние макросоциального (образ «мы» как сообщества, интегрированного не только в территориальном, этническом и лингвистическом, но и ценностно-мировоззренческом плане) и микросоциального (образ «я» как члена данной социальной общности) уровней бытия.

Естественно, что и политическое пространство на всех уровнях его организации в той или иной мере пронизано элементами религиозного сознания или, по крайней мере, вынуждено вырабатывать собственные стратегии по отношению к религии (от активного принятия и использования до тотального отрицания). Можно согласиться с мнением Л.С. Перепелкина и В.Г. Стэльмаха, что «особый уровень в иерархии идентичностей связан с религией. В наибольшей мере религиозная идентичность характерна для групп, исповедующих монотеистические или так называемые авраамические религии…Монотеистические религии если изначально и не противостоят другим формам идентичности, то, по крайней мере,

[1] *Мчедлова М. М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // *Полис. Политические исследования*. — 2016. — № 1. — С. 157—174.
[2] Там же.

стремятся доминировать в соответствующей иерархии»[1].

Соглашаясь в целом с идеей «религиозного ренессанса» как «мегатренда», во многом определяющего глобальную политическую динамику начала третьего тысячелетия, всё же необходимо обозначить несколько важных, на наш взгляд, ремарок.

Во-первых, очевидно, что, говоря о процессах «политического упорядочивания» межрелигиозных взаимодействий, следует воспринимать их не как состоявшуюся тенденцию последовательной реструктуризации планетарного политического пространства (выработку новых институционализированных «правил игры» в мировой политике), а, скорее, в потенциальном ключе – как возможный, но пока не состоявшийся «ответ» на многочисленные деструктивные процессы и вызовы современности, включая нарастающую хаотизацию мирового политического пространства (к середине 2010-х гг. охватившую целые макрорегионы планеты, например, Ближний и Средний Восток).

В этих условиях религиозная идентичность, её возросшая значимость в массовом сознании и – соответственно – политическая актуальность сегодня выступают не фактором упорядочивания/стабилизации, а ценностно-смысловым обоснованием и действенным инструментом демонтажа и международных политических институтов, и институтов государства. Указанная особенность достаточно ярко проявилась в ходе событий «арабской весны», когда были фактически уничтожены не только политические режимы (и выстроенные ими системы административного управления), но и какие-либо действенные институциональные основания государственности Ливии , Сирии, Ирака, Йемена.

Во-вторых, необходимо констатировать, что сегодня обращает на себя внимание внутренняя противоречивость глобального «религиозного ренессанса». Будучи несомненным «мегатрендом» современности, во многом задающим параметры существующей социально-политической реальности и формирующим политическую «повестку дня» в планетарном масштабе, он сочетает в себе противоположные макрополитические и социокультурные тенденции. К наиболее часто упоминаемым противоречиям относится своеобразный «треугольник» конфликтного религиозно-политического взаимодействия: между собой сталкиваются исламский радикализм, переживающий период пассионарности, западная идеология секулярного либерализма (её идеологемы толерантности и мультикультурализма) и европейский национализм «новых правых», все более часто и последовательно апеллирующий к традиционным христианским ценностям. Поэтому в сложившейся на сегодняшний день ситуации речь скорее может идти не о выработке полномасштабных, эффективно функционирующих

[1] Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Человек верующий: религия и идентичность //Вопросы социальной теории. – 2010. – Т 4. – С.373–395.

диалоговых форматов глобального межрелигиозного (и религиозно-светского) взаимодействия, а о минимизации конфликтного потенциала, социально-политических рисков и деструктивных последствий глобального «религиозного возрождения».

Отдельный вектор научного поиска в рамках взаимосвязи религиозного фактора и национально-государственной идентичности связан с *изучением последствий глобальных и макрорегиональных миграционных процессов*. Данная проблематика стала особо востребована и обсуждаема в 2000–2010-е гг. в условиях мусульманского «миграционного бума» – резкого роста числа мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, прибывающих в Европу (прежде всего в западно–европейские страны). Однако следует заметить, что еще до начала этого процесса (трактуемого рядом ученых как предвестник «нового великого переселения» народов) во второй половине XX века были проведены серьезные политические и социологические исследования, связанные с проблемами адаптации мигрантов, формирования идентичности диаспор, изучения разнообразных – комплементарных, адаптивных, конфликтных – практик кросс-культурного взаимодействия в условиях сложного макросоциального ландшафта.

В политической науке, в частности, обращает на себя внимание концепт «многосоставной идентичности», который помогает осознать тот факт, что национально-государственная идентичность в известной степени обладает большей внутренней адаптивностью и потенциалом социально-политической конвергенции, чем религиозная, и не обязательно должна кристаллизоваться в жесткой «связке» с ней. То есть государство-нация XXI века в его политическом, а не в узком этническом измерении – в известной степени «примирительный» конструкт, способный обеспечить если не культурно-идеологическую симфонию, то, по крайней мере, сосуществование различных этнорелигиозных групп, предотвратить острые и минимизировать латентные конфликты на религиозной почве.

Первая модель взаимодействия установок религиозной и национально-государственной идентичности может быть охарактеризована как *«драйверная».* В ней религиозная самоидентификация, как правило, в сочетании с этнической выступает импульсом актуализации национального самосознания, формирования представлений о «нашей» этнополитической общности, обоснованием права (не в юридическом смысле, а с точки зрения «исторических претензий») на создание собственного государства. Исторически указанная модель встречается достаточно часто – от борьбы за независимость Ирландии в начале XX в. до сложносоставных этно-религиозно-сепаратистских движений в Басконии, Кашмире, Синьцзяне, Шри-Ланке. Если говорить об опыте 1990-х–2010-х гг., то, пожалуй, наиболее заметным и обсуждаемым на международном уровне примером «драйверной» модели

межидентификационного взаимодействия выступает кейс Косова.

Однако необходимо учитывать, что в подобных случаях религиозный фактор следует рассматривать двойственно: и как собственно драйвер национально-государственной самоидентификации, и в инструментальном ракурсе – как механизм усиления массовой этнополитической («протонациональной») мобилизации, призванный еще более резко подчеркнуть этническую и социокультурную «самобытность», очертить «наш» идентификационный выбор – разрыв с «чужими» не только на лингвистическом, историческом, политическом уровнях, но и в ментальном, мировоззренческом пространстве смыслов и фундаментальных социально-политических ценностей.

Анализируя плюсы и очевидные издержки «драйверной» модели взаимодействия национально-государственной идентичности и религиозного фактора, следует, однако, учитывать ряд значимых моментов. Так, очевидно, что использование потенциала религиозной мобилизации как дополнения мобилизации национальной не только обеспечивает более прочную консолидацию конкретного социума, но и обостряет конфликты данного сообщества с «внешним миром». Сочетание драйверов национализма и религиозной «самости» неизбежно требует четкого обозначения геополитического и культурного «врага», причем не абстрактного и удаленного, а конкретного, находящегося близко и угрожающего самому факту «нашего» исторического существования. Исторически для ирландского католического сообщества таким цивилизационным врагом были британцы, для косовских албанцев – сербы, для радикальных мусульманских групп Сирии, Ливана, Ирака – евреи, а также ближневосточные христиане.

Конфликтно-конституирующая модель. Её содержание подробно описывает на примере Пакистана эксперт Religious freedom InstituteM.Хан. Согласно его мнению, кейс Пакистана являет собой рельефную иллюстрацию того, как религия (ислам) хотя бы частично нивелирует межэтнические противоречия, существующие в пакистанском обществе, и отчасти компенсирует слабость политических институтов (за исключением армии). При этом, согласно мнению М. Хан, религия не способна полностью «погасить» многочисленные этнические и племенные размежевания, мусульманская идентичность не компенсирует конфликтный потенциал идентичности этнической, но всё же создает возможности поддержания основ государственности[1].

Издержки данной модели очевидны. С одной стороны, Пакистан – одно из многих исламских государств, которое к тому же, несмотря на геополитические амбиции и наличие ядерного потенциала, не является лидером исламского мира.

[1] Хан М. Национальная идентичность и религиозная идентичность в Пакистане. – URL:https://www.religiousfreedominstitute.org/cornerstone/2017/3/15/national-identity-versus-religious-identity-in-pakistan (Дата обращения: 16.12.2018).

С другой стороны, эта страна в полной мере испытывает на себе влияние негативного «фактора разделенных народов» (белуджи проживают в Иране, пуштуны – в Афганистане и т.д.). Естественно, что в таких условиях «политический ислам», даже подкрепленный механизмом «военного вето», не может эффективно сдерживать центробежные тенденции, ставящие под угрозу само существование этого государства как территориально-политической структуры.

Третья модель может быть условно охарактеризована как *симфоническая.* Она базируется на принципах системной институциональной и ценностно-идеологической «религиозной поддержки» государства со стороны «государствообразующей религии». В современной политической науке, говоря о симфонии «власти» и «церкви», принято искать корни данной модели в Византии, специфике политического устройства «Восточного Рима» со всеми его издержками и преимуществами. Нередко отмечается, что именно «симфония» стала тем стратегическим фактором, который обеспечил историческое «долголетие» Византийской модели государства, а также возможность её воспроизводства в условиях Московской Руси (на тот момент находящейся в ситуации Ига).

В рамках «симфонической» модели предполагается, что национально-государственная и религиозная идентичность комплементарны, органически дополняют друг друга, не вступая в серьезные противоречия (условно это можно описать формулой «русский – значит православный»). Следует особо выделить тот факт, что указанная политическая модель взаимодействия – не эксклюзивное порождение православия. Например, не менее очевидным до середины XX в. выглядел стереотип «ирландец (или итальянец, поляк) – значит католик». Естественно, что глобализация и миграционные процессы конца XX – начала XXI вв. частично размывают устоявшиеся рамки восприятия «сопряженности» национальных и религиозных идентичностей. Однако даже сейчас полностью игнорировать указанные стереотипы не представляется возможным.

Вместе с тем следует признать, что идея «симфонии» национально-государственной и религиозной идентичности не снимает имманентную проблему «первенства». Относительным паллиативом в данном случае выступает принцип «дифференцированного лидерства»: власть олицетворяет лидерство политическое и социально-экономическое; за церковью остается первенство духовное и гуманитарное. «Ситуационное» лидерство же зависит от конкретно-исторической ситуации и субъективных факторов, которые могут меняться кардинально и быстро, а могут носить долгосрочный характер (в связи с этим можно вспомнить фактическое подчинение церкви государству Петром I или, наоборот, главенствующую политическую роль церкви в преодолении Смуты начала XVII в.).

И, наконец, четвертая модель взаимодействия религиозной и национально-государственной идентичности может быть охарактеризована как *кризисная,*

фрагментарно-конфликтная. Для нее характерно сосуществование острых национальных и религиозных расколов, усиливающих кумулятивный эффект драматического кризисного развития. Яркий пример такой модели государственно-религиозного «взаимодействия» – современная Украина, где кризис политического управления и национальной идентичности наложился на многочисленные «церковные расколы». Апофеозом «раскольнических» тенденций в украинском обществе и политикуме стало создание неканонической «единой поместной» украинской православной церкви, поддержанное Патриархом константинопольским Варфоломеем.

В этой ситуации украинский социум оказался перед лицом де факто «сектантских» размежеваний. Не считая католиков-униатов (которых наиболее радикальные украинские политики также предлагали «интегрировать» в «единую православную» церковь»), в украинском православии вырисовываются четыре враждующие группы: пока наиболее влиятельная УПЦ МП, главная «раскольническая» сила УПЦ КП (во главе с Филаретом Денисенко), украинская автокефальная церковь, а также «группировка новообращенных» Епифания – Симеона.

В этой ситуации происходит не только фактическое уничтожение остатков культурно-исторической связи Украины и России, но и резко усиливается кризис самой украинской государственности, происходит коллапс её и без того непрочных политико-психологических оснований.

Таким образом, представляется возможным сделать ряд выводов.

Во-первых, рубеж тысячелетий справедливо характеризуется целым рядом ученых как эпоха «религиозного ренессанса» – ситуация, когда религиозная идентичность возвращает свою значимость в системе «культурных координат» современных обществ. Религия перестает быть мемориальным элементом, связанным в большей степени с образами национального прошлого, поиском этнических «корней», и обретает острую политическую актуальность.

Во-вторых, нами были обозначены четыре модели взаимодействия религиозной и национально-государственной идентичности в современном мире: «драйверная», конфликтно-конституирующая, симфоническая и конфликтно-фрагментарная. «Драйверная» модель в наибольшей степени присуща ряду современных исламских государств и характеризует ситуацию, когда религия первенствует над этничностью и актуализирует («запускает») её. Конфликтно-конституирующая модель способствует «удержанию» многосоставных обществ (отличающихся внутренней конфликтностью и многочисленными политико-культурными «расколами») в институциональных границах одного государства.

В-третьих, «симфоническая» модель взаимодействия национально-государственной и религиозной идентичностей (которой в определенной мере характеризуется и современная Россия), обладая определенной гибкостью

(связанной с возможностью «дифференцированного» лидерства власти и церкви), тем не менее представляется достаточно сложным конструктом, содержание и национальные параметры которого зависят от множества исторических факторов, в том числе и от состояния институтов политической системы, способности «государства» (в широком смысле этого слова) брать на себя функцию полномасштабного политического управления социальными процессами.

В-четвертых, конфликтно-фрагментарная модель взаимодействия иллюстрирует пример, когда слабость национально-государственной идентичности и политический кризис накладываются на религиозные расколы, деструктивные тенденции и конфликты в духовной жизни общества.

Библиография/References:

1. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны. – 2014. – № 4. – С. 22–27.

2. Мчедлов М.П. Общие вопросы религиозной идентичности. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshie.pdf (Дата обращения: 18.12.2018).

3. Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 157–174.

4. Перепелкин Л.С., Стельмах В.Г. Человек верующий: религия и идентичность // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С.373—395.

5. Ракитянский Н.М., Зинченко М.С. Политико-психологическое измерение русского исламизма // Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 348–357.

6. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М.:«Ваш формат», 2017. – 184 с.

7. Хан М. Национальная идентичность и религиозная идентичность в Пакистане. – URL:https://www.religiousfreedominstitute.org/cornerstone/2017/3/15/national-identity-versus-religious-identity-in-pakistan (Дата обращения: 16.12.2018).

8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004.

9. Smith A. National identity and idea of European unity // International Affairs. – Cambridge. 1992. – Vol. 68. – № 1. – P. 58-70

10.Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // The psychology of intergroup relations. – Chicago, 1986. – P. 49-87.

1. Evgenyeva, T.V., Titov, V.V. (2014) Obraz «vraga» kak instirument formirovaniya politicheskoy identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoy Rossii [Image of «enemy» is an instrument of formation of political identity in Internet: experience of contemporary

Russia] // Informatsionnyye voyny [Information warfare]. – № 4. – P. 22–27. (In Russ.)

2. Mchedlov, M.P. Obshchiye voprosy religioznoy identichnosti [General questions of religious identity]. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mchedlov_obshie.pdf (Data obrashcheniya: 18.12.2018). (In Russ.)

3. Mchedlova, M.M. (2016) Sotsiokulturnyye smysly politiki: novaya logika interpretatsii i religioznyye referentsii [Socio-cultural senses of politics: new logics of interpretation and religious references] // Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies]. – № 1. – P. 157–174. (In Russ.)

4. Perepelkin, L.S., Stelmakh, V.G. (2010) Chelovek veruyushchiy: religiya i identichnost [Man is a believer: religion and identity] // Voprosy sotsialnoy teorii [Social Theory Issues]. – T 4. – P. 373-395. (In Russ.)

5. Rakityanskiy, N.M., Zinchenko, M.S. (2015) Politiko-psikhologicheskoye izmereniye russkogo islamizma [The political-psychological dimension of Russian Islamism] // Mezhdunarodnyye otnosheniya [International Relations]. – № 3. – P. 348–357. (In Russ.)

6. Titov, V.V. (2017) Politika pamyati i formirovaniye natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novyye tendentsii. [The policy of memory and the formation of national state identity: the Russian experience and new trends]. – M.:«Vash format». – 184 p. (In Russ.)

7. Khan, M. Natsionalnaya identichnost i religioznaya identichnost v Pakistane. [National Identity and Religious Identity in Pakistan]. – URL:https://www.religiousfreedominstitute.org/cornerstone/2017/3/15/national-identity-versus-religious-identity-in-pakistan (Data obrashcheniya: 16.12.2018). (In Russ.)

8. Hantington, S. (2004) Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti. [Who are we? Challenges of American National Identity]. – M. (In Russ.)